

Трагический опыт и высокие идеалы эмиграции

«Ни по каким признакам из наших газет, из высокой беллетристики, из художественной критики нельзя было представить, что Русское Зарубежье — это большой духовный мир, там развивается русская философия, там Булгаков, Бердяев, Лосский. Что русское искусство полонит мир, там Рахманинов, Шаляпин, Бенуа, Дягилев, Павлова, казачий хор Жарова, там ведутся глубокие исследования Достоевского (в ту пору у нас совсем проклятого), что существует небывалый писатель Набоков-Сирин, что еще жив Бунин и что-то же пишет эти двадцать лет, издаются художественные журналы, ставятся спектакли, собираются съезды землячеств, где звучит русская речь, и что эмигрант-мужчины не утратили способности брать в жены эмигранток, а те — рожать им детей, значит наших ровесников.

Отток значительной части духовных сил, происшедший в Гражданскую войну, увел от нас большую и важную ветвь. И каждый, кто истинно любит ее, будет стремиться к воссоединению обеих ветвей — митрополии и зарубежья. Лишь тогда она достигнет полноты, лишь тогда обнаружит русская культура способность к не ущербному развитию. Я мечтаю дожить до этого дня».

А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»

Открытие Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье» (с февраля этого года Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына) в Москве и есть свершение мечты Александра Исаевича. Сам он явился мистической фигурой, соединившей изгнанников нескольких поколений. Первая волна, по словам Солженицына, «уходила от пули», вторая волна — «от петли» — ведь, как вы знаете, генералы Власов, Краснов были в 1946 году в Москве именно повешен-

ны. А третья эмиграция — это эмиграция, начавшаяся в конце шестидесятых годов, эмиграция, в основном, интеллигентская, которая, как говорит Солженицын, «оказалась на Западе для того, чтобы из комфорта далека оставшимся в стране соотечественникам рассказывать, как лучше бороться за свободу».

После ареста и высылки из СССР писателя Александра Солженицына последовало его знаменитое обращение к тем, кто жил в отрыве от родины. Писатель призывал

беречь что еще возможно, собирать исторические свидетельства о крушении России XX века, о жестокости большевистской власти, страданиях и обмане народа, об издевательствах над вековой верой. «Я призываю своих соотечественников теперь же сесть писать такие воспоминания и присылать их, чтобы горе наше не ушло вместе с нами бесследно, а сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее» — писал он в Вермонте в 1977 году. С падением коммунистического режима, писатель

вернулся на родину и сделал все, чтобы вернуть России свидетельства трагического опыта и высокие идеалы эмиграции.

В гостях у «Русского слова» побывал директор Дома Русского Зарубежья имени А. Солженицына и издательства «Русский путь» Виктор Москвин. Встреча в редакции состоялась в кругу потомков эмигрантов, для которых вопрос переоценки наследия их отцов стоит очень остро.

— Кому принадлежит идея создания Дома Русского Зарубежья?

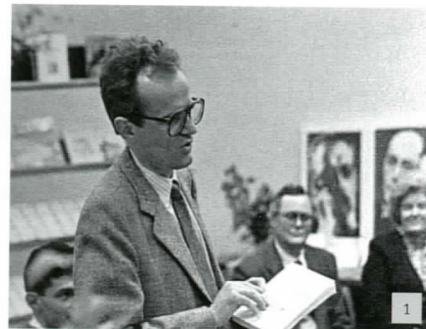
— В сентябре 1990 года в Москве состоялась большая выставка знаменитого православного общекультурного издательства «ИМКА-Пресс», печатавшего в Париже труды русских богословов, мыслителей, мастеров поэзии и прозы. Выставка проводилась в Библиотеке иностранной литературы. Тогда мы с директором «ИМКА-Пресс» Никитой Струве договорились об учреждении в Москве книгоиздательского и книготоргового совместного предприятия «Русский путь». Помимо издания и продажи книг «Русский путь» занимался также проведением выставок книг эмигрантских издательств в разных городах бывшего СССР и стран Восточной Европы. Книги зарубежья таким образом вводились в научный и культурный оборот. Но этого было недостаточно. Для плодотворной работы по хранению, изучению и популяризации наследия зарубежья, стекавшегося в Россию, требовался специальный центр — эта идея витала в воздухе. Материализация же связана с возвращением на родину Александра Исаевича и Натальи Дмитриевны Солженицыных. Благодаря им и поддержке московских властей стал осуществляться тот замысел. В 1995 году было подписано постановление городского правительства о создании библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», учредителями выступили правительство Москвы, Русский Общественный Фонд Александра Солженицына и «ИМКА-Пресс». Александр Исаевич передал ряд крупных архивов: Великого Князя Николая Николаевича, философа Семена Франка, писателя Леонида Зурова. Никита Алексеевич Струве подарил рукописи и письма Сикорского, Цветаевой, Бердяева, Мережковского, Шмелева, Ремизова. В дальнейшем собрание пополнилось новыми дарами и приобретениями, среди которых — документы крупных военачальников, политических и общественных деятелей; их передали соотечественники, живущие за пределами России: М. И. Лифарь, Н. Н. Рутыч-Рутченко и многие другие. Правительством Москвы было выстроено удобное здание в центре города.

— Вероятно, самые большие открытия и откровения уже состоялись. Можно ли сказать, что поток архивов постепенно сократился за 14 лет Вашей работы?

— Совсем нет, все то, что мы находим, готовим к печати и, наконец, публикуем —

зачастую печатается впервые, и мы постоянно ищем источники финансирования, ведь очередь рукописей просто огромна. На гранты Московского правительства в этом году мы издали воспоминания Дмитрия Абрикосова — последнего русского посла в Японии, при поддержке Российского гуманитарного и научного фонда — первый том Дмитрия Чижевского, нас поддерживает Федеральное агентство по печати (при их содействии издаем пять—семь книг в год) и четыре книги при поддержке московского правительства, как, например, в этом году издали дневники депутата Государственной Думы Савича. Никанор Васильевич Савич в 1926 году был одним из организаторов съезда, на котором была предпринята попытка объединить русскую эмиграцию. Из этой попытки ничего не получилось, слишком разные были точки зрения, съезд ни к чему не пришел, но осталась масса интереснейших материалов. При поддержке фонда Солженицына мы издаем две книжные серии «исследования новейшей Русской Истории» и «Наше недавнее». Первую редактировал сам Александр Исаевич, вторую редактирует Наталья Дмитриевна Солженицына.

Из последних книг серии «наше недавнее» отмечу воспоминания Виктора Левенштейна. В 1944 году в Москве сотрудники НКВД арестовали и осудили тринадцать молодых людей по ложному обвинению в подготовке убийства Сталина. В Экибастузском каторжном лагере он познакомился с Солженицыным. Виктор Матвеевич живет в США и приезжал на презентацию этой книги. Другая книга, тоже очень интересная — воспоминания о голодоморе на Украине, но воспоминания не жертвы, а палача. Будучи студентом одного из харьковских вузов, Дмитрий Гойченко был направлен в деревню для проведения коллективизации и раскулачивания. В 1937 году его арестовали и он разделил участь своих жертв, но, зная весь механизм карательной системы, он не подписал признание в обвинениях, которые ему предъявлялись и таким образом спас себе жизнь. Во время войны оказался на занятой немцами территории, уехал в США, в Калифорнии прислуживал при церкви, там и умер в почтенном возрасте. Когда в церкви разбирали архив, нашли его исповедь. Его воспоминания — это раскаяние бывшего палача, который остаток своей жизни провел в церкви. Жуткие воспоминания. Рукопись не была подписана. Когда прочитали, не знали, кто написал, стали слышать почерк, и когда я ее прочитал, первое что было в голове — что такого быть не может, что это современный текст, литературное произведение. Я его передал Наталье Дмитриевне Солженицыной, попросил посмотреть, она прочитала эту рукопись и согласилась с моей точкой зрения. А потом Александр Исаевич этот текст прочитал и сказал, что это сущая правда — «немедленно печатайте». Бывший украинский диссидент Павел Процен-

1. В. Москвин, заместитель директора библиотеки иностранной литературы.
2. Н. Струве, директор издательства «ИМКА-пресс» на открытии выставки в Москве. 1990 год.
3. А. И., Н. Д. Солженицыны, Н. Струве на открытии Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». 1995 год
4. В. Москвин, директор Дома русского зарубежья и издательства «Русский путь» и мэр Москвы Ю. Лужков на открытии нового здания фонда.

ко, который сейчас живет в Москве, подготовил эту книгу к печати, и мы ее издали, она называется «Сквозь раскулачивание и голодомор». Президенту Украины Ющенко эта книга не понравилась. Он пытается политизировать эту трагедию и сделать ее исключительно украинской, но любому человеку, мало-мальски знающему историю СССР, известно, что голод был страшный и на Украине, и на Кубани и в Казахстане. До этого — в начале 1920-х — голод в По-

волжье, после войны — во многих областях России и Украины. Конечно, количество рукописей, которые приходят для публикации, превышает наши возможности. И финансовые, конечно, тоже. Тем не менее, в нашем издательстве в год мы выпускаем около 20 книг — это довольно большая работа. Материалов много, и интересных.

— Очень благое дело делаете — восстанавливаете историческую память. Какова востребованность результатов вашего труда? Ведь область специалистов, которым это безусловно интересно, узка... Как ваши книги влияют, скажем, на общеобразовательную систему, систему высшего образования? Как они влияют на общественное мнение?

— Вопрос непростой. Сейчас люди информацию получают из электронных средств. До Гуттенберга люди жили в мире рукописей, он изобрел печатный станок, произошла революция. Сейчас мы живем в эпоху информационной революции. И люди меньше времени тратят на информацию традиционную, книжную. Это с одной стороны. С другой — если говорить о России, то в России была разрушена система книгораспространения. Это последствия «русского капитализма» 90-х годов, когда во главу угла ставилась только прибыль. Книжный магазин — это низко рентабельное коммерческое дело. Поэтому когда стало можно продавать что угодно, то чаще всего это решалось не в пользу книг. Возникли целые регионы, где книжные магазины практически исчезли или их осталось очень мало. Даже в Москве их намного меньше, чем в Париже или Берлине: от нашего книжного магазина на Таганке до «Библио-глобуса» на Мясницкой нет ни одного книжного магазина.

Влияет ли книга на общественное сознание? Конечно, влияет. Мы недавно издали дневники отца Александра Шмемана. И несколько раз эти дневники допечатавали. Эту книгу читали все — от патриарха до многих, многих священников. И как люди говорили, эта книга в определенной степени меняла сознание людей церкви и мирян. Мы напечатали 18 тысяч экземпляров. Для дневников священника это много. Книги Солженицына? Первого тома книги «Двести лет вместе» было продано 138 тысяч экземпляров. Интеллектуальное и моральное влияние Солженицына сыграли важную роль в падении коммунистических режимов Восточной Европы и СССР.

Жизнь книг тоже бывает интересной. «Архипелаг ГУЛАГ» впервые в Советском союзе был напечатан на излете советской власти и выходил большими тиражами, а затем 16 лет не печатался вовсе. Сейчас одновременно вышли новые переиздания в пяти издательствах — эта книга вдруг стала опять востребована и очень широко распространяется. Книги, вне всякого сомнения, продолжают оказывать большое влияние, независимо от тиражей. Очень

важно, когда они оказывают влияние на элиту, которая определяет вектор движения — так всегда было. Конечно, если бы книги распространялись шире, была бы польза обществу больше, особенно в провинции. Думающих людей в провинции — много, но платежеспособность низкая, и книгопродавцы в провинцию везут серьезную литературу неохотно. С коммерческой точки зрения выгоднее привезти какой-то женский популярный роман или детектив — он точно будет продан.

— **Издательство «Русский путь» организует благотворительные дары книг многим городам России, Европы, США. «Русская традиция» тоже получила в подарок ряд интересных изданий. Еще, я знаю, вы организуете читальни, передвижные выставки, филиалы библиотек. Имеет смысл эта работа?**

— Книжные выставки имеют большой эффект и значение. Этот проект мы начали изначально для передачи именно эмигрантской литературы в университетские города, в областные библиотеки. Причем не только в России, но и других странах бывшего Советского Союза, куда эти книги в коммунистический период по цензурным соображениям попасть не могли. Так наши издания получили более 70 городов. Мы ищем спонсоров, которые закупают книги от 300 до 500 экземпляров, и дарят их. Так книги получили библиотеки Твери, Орла, Иркутска, Киева, Минска, фактически — от Владивостока до восточноевропейских стран. Эти книги сейчас находятся в научном и культурном обороте на таком большом пространстве. А затем с 1997 года при поддержке Фонда Солженицына мы стали покупать ежегодно порядка 45 тысяч

экземпляров новых книг российских издательств и дарить их публичным библиотекам, включая районные города и маленькие библиотеки. В 1990-х годах в России библиотеки просто перестали комплектоваться — только периодические издания, и то — в ограниченном количестве, и во многих библиотеках остались советские фонды. Школьники и студенты вынуждены заниматься с идеологизированной советской литературой. Когда хорошо отобранная серьезная литература передается библиотекам, то она востребована.

Мы поддерживали библиотеки и в странах Восточной Европы, и в странах третьего мира, например, на Кубе. В Гавану мы отправили книги, включая труды Солженицына, и в течение года они проверялись цензурой. Интересно, что дозволен был даже Солженицын.

— **Вы конкуренты с ГАРФом? Какой кредит доверия к фонду?**

— Если люди решают что-то оставить в России, неважно, где это будет находиться — у нас или в ГАРФе, важно, чтобы это было сохранено. Нам все время передают и архивы, и библиотеки. Совсем недавно из Сан-Франциско мы получили от Общества Ветеранов Великой войны в дар библиотеку. Свыше восьми тысяч книг и десяти тысяч номеров периодики. Среди них — две книги из рабочего кабинета Николая II — большевики их продавали на аукционах в 1920—30-х годах, так книги оказались на Западе, теперь вернулись в Россию. Другая книга проделала тот же путь — это рукописная книга профессора Малиновского, подаренная Александру I в 1818 году. Другая книга вывезена немцами из гатчинской библиотеки Великого

Князя Михаила Александровича, на ней штамп гатчинского музея.

Русские люди завещали, чтобы их наследие вернулось в Россию, чтобы действительно служило России. Из Америки благодаря «Комитету книги для России», который возглавляет Людмила Сергеевна Флам-Оболенская, мы получили семь морских контейнеров книг и архивов. К сожалению, многое погибает. Идет процесс ассимиляции и через несколько поколений далеко не во всех семьях сохраняется русский язык. В прошлом году я был в Америке в гостях. И в одном из гаражей оказался архив русской гимназии в Ницце, директором которой был Яхонтов, секретарь совета министров царского правительства, он вел протоколы заседаний совета министров в 1916 году. Были там и документы монархического союза, и интереснейшие документы русской гимназии.

— **Каковы перспективы вашей работы в Праге?**

— Дом Русского Зарубежья сотрудничает со Славянской библиотекой и Славянским институтом. Мы издали исследование Любови Белошевой «Скит», теперь выходит письма Марины Цветаевой к Тесковой, подготовленные Галиной Ваничковой. В нашем магазине продается книга «Дом в изгнании», вышедшая в издательстве «Русская традиция». Прага — один из крупнейших центров русской эмиграции, и тут работают серьезные исследователи политической и общественной жизни, творчества и быта русской диаспоры. Русская Прага давно стала частью нашей общей истории.

Марина Добушева

Фото: Руслан Таиров, Татьяна Китаева, кадры из фильма «Посольство на Таганском холме» (к/с «Русский путь»)

